

Дмитриев и Карамзин

земляки, соратники, друзья

Святая дружба, связавшая в ранней юности Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева, прошла через всю их жизнь. Что их объединяло? Родина – Симбирский край с его величавой Волгой? Родственные узы? Или общие интересы? И то, и другое. «Отчизна моя – Симбирская губерния», – с гордостью писал сатирик. С не меньшим трепетом о малой родине отзывался и великий историограф. «Склонность наша к словесности, – читаем в мемуарах Дмитриева о взаимоотношениях с Карамзиным, – и что-то сходное в нравственных качествах укрепляли связь нашу день ото дня». Это «что-то», несомненно, – честность, добропорядочность, любовь к Отчизне.

Земляк наш И.И. Дмитриев – личность незаурядная, яркая. Он сделал блестящую, немислимую по тем временам карьеру – от малоимущего дворянина до члена государственного совета и министра юстиции, кроме того – известного литератора, баснописца, поэта. Но что еще очень важно для нас: И.И. Дмитриев был ближайшим другом и соратником Н.М. Карамзина.

Иван Иванович оставил после себя, кроме множества незаурядных литературных произведений, ценную для историков и литературоведов мемуарную повесть «Взгляд на мою жизнь». Обратимся к этой книге, чтобы представить себе Симбирск в середине XVIII века. «Симбирские обыватели наслаждались тогда совершенною независимостью... Последний мещанин или цеховой имел свой плодovitый при доме садик, на окне в бурачке розовый бальзамин и ничего не платил за лоскуток земли...». «Тогда еще не было в провинции ни театров, ни клубов, которые ныне и в губернских городах разлучают мужей с женами, отцов с их семейством».

Иван Иванович Дмитриев родился 10 сентября 1760 года в селе Богородское (ныне Троицкое) Сызранского уезда Симбирской губернии. Он принадлежал к древнему дворянскому роду, ведущему свое происхождение от Рюриковичей. Племянник баснописца Михаил Дмитриев с гордостью писал о своем славном предке – Владимире Мономахе:

*Мой предок –
муж небезызвестный,
Единоборец Мономах,
Завет сынам оставил честный:
Жить правдой,
помя Божий страх.*

Иван Дмитриев был старше Карамзина на шесть лет. Первая их встреча произошла в Симбирске в 1770 году. «...старший брат мой и я, 10-летний отрок, – пишет Дмитриев, – находились на свадебном пиру, под руководством нашего учителя г. Манжениа. В толпе пирующих увидел я в первый раз пятилетнего мальчика в шелковом... камзолчике с рукавами, которого русская нянюшка подводила за руку к новобрачной. Это был будущий наш историограф Карамзин. Отец его, симбирский помещик, отставной капитан Михайла Егорович соединился тогда вторым браком с родною сестрою моего родителя, воспитанною по ее сиротству в нашем семействе».

Карамзин не помнил своей матери – она умерла, когда ему было три года, но утверждал (видимо, со слов домашних), что унаследовал ее меланхолический, сентиментальный нрав

И.И. Дмитриев

и доброту. Таким же нравом обладала и его мачеха Евдокия Гавриловна – родная тетка Ивана Дмитриева, которая, как вспоминает баснописец, воспитывалась в их семье. Мягкая, добрая, она относилась к пасынкам с вниманием и любовью, и потому ее раннюю смерть восьмилетний Коля пережил как тяжелое потрясение.

После пансиона юный Карамзин приехал в Петербург, так как с рождения был записан в Преображенский полк подпрапорщиком. С письмом от Дмитриева-старшего Николая «с румяным лицом» и «приятною улыбкою» явился к Ивану. Сводные братья бросились друг другу в объятия.

Положение Карамзина было плачевным: попасть в полк

Комната заседаний комитета Карамзинской библиотеки

оказалось не так-то просто, потребовались деньги на взятку секретарю. Иван ничем не мог помочь земляку, но посоветовал заняться переводами – они давали хоть какой-то заработок. Вскоре все устроилось, Карамзин зарабатывал переводами с немецкого, но через год смерть отца вынудила Николая покинуть Петербург и вернуться в Симбирск.

Здесь вместо застенчивого миловидного юноши Дмитриев увидел вполне светского человека, «опытного за вистовым столом, любезного в дамском кругу и оратора перед отцами семейств, которые хотя и не охотники слушать молодежь, но его слушали». Перемены эти оказались лишь внешними: Карамзин оставался все тем же восторженным романтиком и по-прежнему бредил литературой. Долгие ночные часы друзья проводили на берегу Волги, гуляли по Венцу, читали Юнга, обсуждали новинки литературы.

Москва сблизил их еще больше. Опять Николай немало удивил сводного брата: «После свидания нашего в Симбирске какую перемену нашел я в милом моем приятеле! Это был уже не тот юноша, который читал все без разбора, пленялся славою воина, мечтал быть завоевателем черной-роковой, пылкой черкешенки; но благочестивый ученик... с пламенным рвением к усовершению в себе человека. Тот же веселый нрав, та же любезность, но между тем главная мысль, первые желания его стремились к высокой цели».

Пример Николая Карамзина был для Ивана очень поучительным. Дмитриев искал союзника и одновременно взыскательного критика для своих литературных опытов, и, конечно же, основательный, вдумчивый Карамзин более всех подходил для этой роли. К тому же в кругу литераторов он уже воспринимался не как новичок, а как член популярного новиковского «Дружеского общества».

«Год мы были неразлучны», – пишет Иван Иванович. Общим литературным домом стал дом Михаила Матвеевича Хераскова. По свидетельству И.И. Дмитриева, молодые поэты «вменили себе в обязанность» стараться получить доступ к «патриарху современных поэтов» и заслужить его внимание. Не менее важным для начинающих литераторов было сближение с Державиным.

Когда Карамзин приступил к изданию «Московского журнала», Дмитриев принял в нем самое деятельное участие. Первый номер журнала почти целиком состоял из сочинений Карамзина, Державина и Дмитриева. Последний относился к своим «безделкам» с иронией, но популярность «Московского журнала» заставила его всерьез задуматься о литературе. Теперь Николай Михайлович был для него не только другом, но и руководителем в литературных занятиях, советами которого поэт очень дорожил. В 1791 году в «Московском журнале» появился целый ряд произведений Дмитриева, из которых публика особо выделила сказку «Модная жена» и песню «Голубок», которая тут же была положена на музыку и стала очень популярной.

Вскоре Карамзин приступил к изданию «Аглаи» и «Аонид» – Дмитриев и тут принял самое активное участие. Отставать от преуспевающего в литературе земляка Иван Иванович не собирался, и как только появился карамзинский сборник «Мои безделки», вдгонку за ним по литературному трапу выскочили в 1795 году «И мои безделки». Вряд ли это можно назвать соперничеством, – скорее, дружеским состязанием и озорством. Кстати, когда в годы вынужденного бездействия Карамзин надолго замолчал, затих и остроумный задира Дмитриев. Но вот появился на свет «Вестник Европы» – и снова рядом с Николаем Михайловичем его верный друг и соратник!

Друзья подолгу не виделись: Карамзин жил в Москве, Дмитриев служил в Петербурге. Поистине высокую суть отношений земляков можно понять через их письма. Даже самая короткая разлука сопровождалась перепиской, которая вмещала все: и общие планы, и мечты, и похожие оценки происходящих политических и общественных событий, и, конечно же, грусть разлуки.

Вот Иван Иванович на родине, в «приволжском городе Сызрани»... Залив Волги. Бурлаки тянут лямку, и тянется вместе с ней грустная народная песня. Русское раздолье. Ширь полей сливается с небом и уходит в бесконечность. Все располагает к творчеству. Этот 1794 год Дмитриев назовет «лучшим пиитическим годом». Написаны сказки «Воздушные башни» и «Причудница», оды «К Волге», «Глас патриота на взятие Варшавы», «Ермак», сатира «Чужой толк». Произведения – одно за другим – он отсылает Карамзину. «С каким нетерпением ожидал от него отзыва, – пишет поэт в своих мемуарах. – С какой радостью получал его. С каким удовольствием видел стихи мои уже в печати! Каждое письмо моего доброго друга было поощрением для дальнейших стихотворных занятий. Здесь-то, в роскошную пору весны, в тонком сумраке тихого вечера мелькнули передо мной безмолвные призраки Ермака и двух шаманов».

Особенно Карамзин нуждался в поддержке друга в горькие годы павловских репрессий, когда был арестован Новиков, многие просветители и литераторы. «Отовсюду неприятные вести! Везде горизонт так черен и грозен! Какое время...» – писал Карамзин И.И. Дмитриеву в 1793 году. В том же году, а также в 1795-м Николай Михайлович приезжал в Симбирск. Обе поездки были вызваны мрачным настроением писателя, но последняя – в особенности: его терзало предчувствие близкого ареста. И когда летом 1795 года писатель неожиданно уехал в Симбирск, в столице решили, что он арестован. «Теперь живу без плана, – писал Карамзин Дмитриеву, – и ленюсь думать о том, что ожидает меня впереди». Этот страх перед неопределенностью писатель попытается лечить светской жизнью...

Приезжая в Москву, Дмитриев много времени проводил с Карамзиным: «... не проходил ни один день, чтоб я не виделся с Карамзиным... ни одного утра и вечера не мог я сравнить с теми, как мы проваживали в Москве, один на один...».

Выйдя в отставку, Иван Иванович поселился в Москве. Он купил близ Красных ворот деревянный домик с маленьким садом, переделал его снаружи и внутри, украсил небольшим числом эстампов и скульптурой. В этом доме постоянно собирались московские писатели, говорили и спорили о литературе, читали свои новые произведения. Эта насыщенная желанным общением жизнь была прервана с отъездом поэта на службу в Петербург, а возобновилась в 1814 году, когда Дмитриев вернулся в Москву. Он состоял председателем комиссии для оказания помощи жителям Москвы, пострадавшим от нашествия французов. Исполнив это последнее поручение императора Александра I, за успешное выполнение которого он был награжден чином действительного тайного советника и орденом Владимира I степени, Дмитриев окончательно оставил службу. Теперь он почти безвыездно жил в Москве. Выстроил небольшой, но уютный, «барский» домик с садом, и снова здесь стали собираться поэты и писатели. Поэт Вяземский, вспоминая дом Дмитриева на Спиридоновке, писал:

*Я помню этот дом, я помню этот сад.
Хозяин их всегда гостям своим был рад,
И ждали каждого с радушьем
теплой встречи*

Улыбка светлая и прелесть умной речи.

Болезнь Карамзина весной 1826 года напугала Дмитриева и заставила задуматься об организации путешествия с ним за границу. Для этого нужна была большая сумма денег. Помощь историографу предложил сам император. Николай Михайлович в порыве восторга сообщает об этом 16 апреля Дмитриеву, однако уже в этом оптимистичном письме звучат тревожные ноты: «Теперь устроиваем в мыслях, как и куда ехать... Говорят, что первым моим лекарством должно быть море: увидим, если Бог даст. Но я слишком расписался, имея еще слабую голову. И самых близких приятелей впускают ко мне только на минуту; задыхаюсь от разговоров, куда девалась

моя железная грудь?.. Устал. Навеки твой Н. Карамзин».

На Пасху Николай Михайлович собственноручно поздравил друга с Великим Воскресением, признался, что «слаб до крайности». К этому поздравлению присоединились дочери Карамзина, и Софья сделала приписку: «У нас в семействе одно сердце для вас». Несомненно, и сердце Дмитриева принадлежало этому семейству.

Смерть друга и соратника подкосила его и как будто лишила духовной опоры. Дмитриев совсем перестал писать. В 1836 году, через десять лет после смерти друга и незадолго до своей кончины, Иван Иванович навестил семейство Карамзиных в Дерпте.

В последние годы своей жизни И.И. Дмитриев серьезно работал над воспоминаниями. Они вышли только через 30 лет после смерти поэта под заглавием «Взгляд на мою жизнь» и явили богатый материал для знакомства с литературной жизнью конца XVIII – начала XIX веков. Почти тогда же вышли мемуары племянника баснописца – Михаила Александровича Дмитриева под названием «Главы из воспоминаний моей жизни», которые основательно дополнили представление и о роде Дмитриевых, и о семье Карамзиных, и о литературном Парнасе того времени. Образ Ивана Ивановича в «Главах» получился противоречивый (рано осиротевший Михаил не нашел поддержки у дяди-вельможи и, рано уволенный в отставку, сохранил обиду до конца своих дней), неоспорима однако величина личности и поэтического таланта.

В историю литературы Иван Иванович Дмитриев вошел как блестящий сатирик, поэт, драматург. Его творчество содействовало упадку ложно-классического направления, а стихотворный язык освободил поэзию от тяжелых, устарелых форм, сделал ее легкой и пластичной. Так что и здесь имя Дмитриева заняло место рядом с именем Карамзина: первый явился преобразователем поэтической речи, второй – речи прозаической. И тот, и другой – были и остаются патриотами малой своей отчизны и великой державы под названием Россия.

Ольга Шейнак

Несохранившееся здание на углу бульвара Платова, бывший дом В.М. Карамзина в Симбирске

